

Критическая социология Франкфуртской школы: между наукой и идеологией

Критическая социология Франкфуртской школы остаётся практически вне поля зрения отечественного академического социологического сообщества, хотя именно она подробно и глубоко работала над поиском ответа на регулярно звучащий в отечественной и зарубежной социологии вопрос об общественно-политической активности и ответственности социологов. Разрешение указанного противоречия представляется особенно важным с учётом потенциального роста значимости социологов как социально активной, ориентирующей экспертной группы в условиях социально-политической нестабильности. Цель работы – определить предположительные препятствия расширению актуального социологического интереса к наследию Франкфуртской школы, а также указать наиболее значимые, с точки зрения актуализации, качества и элементы этого наследия.

Ключевые слова: критическая социология, Франкфуртская школа, идеологичность, академический социологический дискурс.

Постановка научной проблемы и ее значение. Критическая социология Франкфуртской школы (которая также различными источниками именуется «критической теорией», «леворадикальной социологией») не часто попадает в поле зрения отечественных социологов. Если не принимать во внимание издания словарно-энциклопедического и учебного характера, то поверхностный анализ публикаций в профильной периодике, а также защищённых диссертаций даёт лишь несколько работ, посвящённых Франкфуртской школе. Причём чаще всего это статьи или диссертации, так или иначе актуализирующие отдельные аспекты индивидуальных подходов теоретиков-«франкфуртцев»¹. Лишь изредка объектом рассмотрения является социология всей Франкфуртской школы². В целом можно констатировать невысокий уровень внимания украинских социологов к этой теме. С идеями «франкфуртцев» (к которым в контексте нашей статьи относятся, в первую очередь, М. Хоркхаймер, Т. Адорно и Г. Маркузе) достаточно активно работают философы, политологи. В среде социологов к ним обращаются, прежде всего, левоориентированные ангажированные учёные³, тогда как представители строго академического сообщества (впрочем, как и большинство «публичных экспертов» – завсегдатаев отечественных СМИ) предпочитают обходить эту тематику стороной. Такое положение представляется странным и содержит в себе интересную для самой социологии **научную проблему**. По классификации М. Буравого, критическая социология⁴ входит в антагонистический дисциплинарный квартет типов социологического знания наряду с профессиональной (академической), прикладной (заказной) и публичной [1]. В Украине, как и в странах Европы и Америки, регулярно поднимается вопрос об общественно активной, политически активной и, главное, ответственной социологии в противовес социологии инструментально-безразличной или манипулятивной (а если не в противовес, то, как минимум, в качестве неотъемлемого дополнения). Парадоксально, но ответ на этот вопрос ищут в обход критико-социологического наследия, полагая его архаичным, идеологизированным или узкоспециальным. Тогда как на деле именно критическая социология (даже в ограниченном конкретно-историческом «Франкфуртском» воплощении) ставила и решала вопрос о соотношении ответственности и ангажированности в социологии, об общественной роли и политической позиции

¹ См., напр.: Артеменко С. Б. Теоретико-методологічний потенціал концепції комунікативної раціональності Ю. Габермаса, 2008.

² И даже в этих редких случаях авторы фокусируются на отдельных аспектах или качествах социологического наследия Франкфуртской школы, напр.: Булатевич М. М. Онтологічні ознаки суспільства модерну в соціології Франкфуртської школи, 2010.

³ Сразу оговоримся: за этим эпитетом не кроется никакого оценочного суждения – разве что, исходя из общего посыла статьи, позитивное, поскольку «бегство в стерильность имеет очень тяжелые социальные последствия» [2]. Под ангажированным социологом в данной статье мы подразумеваем специалиста в сфере социологии, открыто признающего свои идейно-идеологические позиции, но не подчиняющего им выводы исследований.

⁴ Отнюдь не сводимая к Франкфуртской школе, однако – это тема для отдельной статьи.

соціологічного союбщества. Разрешение указанного противоречия представляется особенно важным с учётом потенциального роста значимости социологов как социально активной, ориентирующей экспертной группы в условиях социально-политической нестабильности и наблюдаемого подъёма правых и ультраправых идеологий и движений.

Каким же образом сложилась ситуация, при которой материал, потенциально содержащий необходимые для разрешения **актуальной** (и настойчиво актуализируемой) социологической проблемы, фактически игнорируется социологическим сообществом? **Цель статьи** – попытаться дать ответ на этот вопрос, определив предположительные препятствия расширению актуального социологического интереса к наследию Франкфуртской школы, и попутно указав, какие именно качества этого наследия делают его действительно значимым сегодня. Оговорим также, что статья носит постановочный и полемический характер и потому поиск ответа на вопрос по значимости сопоставим с актуализацией вопроса и проблемы как таковой.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. Итак, в чём же причины недостаточного (вплоть до игнорирования) внимания украинской академической социологии к критической социологии Франкфуртской школы? Прежде всего, необходимо отметить, что леворадикализм, нередко выносимый в заглавие социологии Франкфуртской школы, вместо критики, с трудом вписывается не только в украинский официальный политический дискурс (дискурс государственной пропаганды), но и в украинский социологический «мейнстрим» – официальный академический дискурс. Этот дискурс сегодня, если говорить категориями политической социологии, преимущественно либерален или, несколько реже, националистичен. И если отдельные проявления социологической «левизны» (например, в части идей социальной справедливости) этот дискурс ещё может принять, то левому радикализму места в нём нет, даже если последний имеет сугубо научный характер.

Можно предположить, что критическая социология Франкфуртской школы, помимо её леворадикального характера, многим представляется не более чем узкоспециальным, локально-историческим ответвлением марксизма. Автору не раз приходилось слышать от коллег, что в современной социологии можно использовать научные идеи Маркса, поскольку они отделимы от идеологии, а вот идеи разнообразных марксистов (и в том числе «франкфуртцев») такому очищению не поддаются, и потому актуальной ценности не имеют. Исходя из подобных предубеждений, формулируется условный принцип «Маркса достаточно», подразумевающий, помимо прочего, что применимость той же критической социологии Франкфуртской школы строго ограничивается историческими рамками активности этого направления, то есть сороковыми-семидесятыми годами двадцатого века. Особой разновидностью этого принципа можно считать позицию, согласно которой весь потенциал идей Франкфуртской школы исчерпывающе реализован в теории Ю. Хабермаса, а значит, «Хабермаса достаточно».

Для дискурса официального, мейнстримного, важным настораживающим фактором может быть общий радикализм критической социологии Франкфуртской школы. Причём дело не столько в радикализме по отношению к авторитетам, каковых «франкфуртцы» с их склонностью (относительно не только гносеологической) к «тотальному отрицанию» не признают, но в радикальном отношении к социологии и социальному мышлению в целом. Руководствуясь ориентирами критической социологии, поневоле приходится игнорировать не только конкретные авторитеты, но и авторитет социологии как таковой, авторитет мейнстримного социологического дискурса. Нет ничего удивительного, что подобная позиция многими носителями этого дискурса воспринимается как антисоциологическая, и вкупе с принципиальными атаками на разнообразных «священных коров» (социологических авторитетов как прошлого, так и настоящего) вызывает отторжение. Для критической социологии Франкфуртской школы любой социальный факт или конструкт является целью критического исследования; сама социология как социальный конструкт также становится подобной целью. В отечественном же мейнстримном социологическом дискурсе царит та разновидность «мультипарадигмальности», которая подразумевает существование неприкосновенных фигур, «априорных классиков» и «живых легенд», критике не подлежащих. Фактически утверждать можно всё, что угодно, лишь бы не вступать при этом в прямой конфликт с иными утверждающими, обладающими каким-либо общепризнанным статусом. При соблюдении этого условия можно утверждать даже очевидные нелепости, которые в большинстве случаев просто останутся незамеченными. Дискуссии внутри отечественного социологического

сообщества внешне носят неизменно «дружественный» характер, который, по сути, исключает критику, маркируя её как проявление личного неуважения. Эти особенности украинского социологического дискурса в изрядной степени автоматически маргинализируют критическую социологию.

Наконец, наиболее значимым препятствием можно считать идеологическую подоплёку и шлейф, тянущийся за критической социологией Франкфуртской школы. Если кратко очертить наиболее общие моменты подходов к анализу общества М. Хоркхаймера, Т. Адорно, Г. Маркузе (кратко, поскольку глубокий и подробный анализ пока не является нашей задачей), то, помимо методологического отказа от ложной «объективации» социального исследователя и установки на преобразование общества как центрального стержня социального анализа, к которым мы ещё вернёмся, неизбежно приходится останавливаться на достаточно сложных (порой парадоксальных) взаимосвязях научных концепций социологов Франкфуртской школы с вытекающими (предшествующими?) из этих концепций идеологиями. Усматривая в демонстративной беспристрастности («ценностной нейтральности», если пользоваться терминологией М. Вебера) скрытую идеологичность, социологи Франкфуртской школы предлагают вскрывать этот «тайный порок» путём добровольного обнародования, артикулирования учёными своих идеологических позиций (которых, по логике «франкфуртцев», у социологов не может не быть почти также, как не бывает неложных дискурсов, согласно М. Фуко [7]). Метод, соответствующий метафорическому афоризму «клин клином», не позволяет осуществить «деидеологизацию», однако трансформирует неизбывную (по мнению представителей Франкфуртской школы) идеологичность из недостатка концепции в инструмент воздействия на общество. Каковая задача для критической социологии является наиважнейшей.

Однако для позитивистской или интерпретативной социологических парадигм в отечественном исполнении эта задача не обладает высшей степенью актуальности, вследствие чего открыто признаваемая представителями Франкфуртской школы собственная идеологичность рассматривается мейнстримными социологами с точки зрения той самой «ценностной нейтральности», отказ от которой составляет значительную часть методологического фундамента критической социологии. Более того, даже социологи, формально настроенные на критику общественно-политического устройства, общества в целом или конкретных социологических теорий, не принимают используемый «франкфуртцами» метод «идеологического камин-аута»¹, поскольку он, во-первых, подразумевает обязательное обращение критического острия против самого себя, а во-вторых, резко повышает ответственность социолога за высказываемые идеи и выводы исследований, которые уже гораздо сложнее списать на «неверную трактовку аудитории». В ситуации же политической и социальной нестабильности принятие на себя ответственности за потенциально политизируемые оценки и прогнозы не привлекает даже тех, кто прямо включён в политическую борьбу, пусть и в качестве социологов. Они не без оснований полагают «идеологический камин-аут» менее эффективным средством политической борьбы, нежели претензии на объективность и историчность².

Итак, мы предполагаем, что масштабной актуализации идей Франкфуртской школы в отечественном социологическом дискурсе мешают: 1) леворадикальный характер этих идей, противоречащий как украинской официальной пропаганде (соответствие которой принимает сегодня обязательный характер для всех, кто так или иначе связан с государством), так и отечественному социологическому мейнстриму, академическому дискурсу; 2) предубеждение об исторически-ограниченном характере этих идей как узкой версии марксизма (принцип «Маркса достаточно»/«Хабермаса достаточно»; 3) общий радикализм критической социологии Франкфуртской школы в части отрицания авторитетов (особенно априорного авторитета самой социологии), порождающий риск конфликта с представителями как общественно-политического, так и собственно социологического «олимпа»; 4) заложенная в методологии критической социологии

¹ Это, конечно, не термин, а объяснительная метафора, построенная по аналогии с терминологией гендерных исследований и обозначающая намеренную и подчёркнутую артикуляцию исследователем собственной идеологической позиции

² Как указывал не только представитель Франкфуртской школы Г. Маркузе, но и не имеющие к ней отношения М. Фуко и А. Турен, борьба за историчность является основной целью любого дискурсивного сообщества и, соответственно, целью функционирования любого дискурса (подробнее см. [4]). В том контексте, в котором борьбу за историчность рассматривают в дискурсивных теориях, она вполне сопоставима с претензией на объективность, о которой говорим мы.

Франкфуртської школи необхідність звертати гострі критики на самого себе і приймати підвищену (і розширену за межі власної соціології) відповідальність за свою діяльність; 5) зв'язаний со всіма вказаними характеристиками метод боротьби со схованою ідеологічністю, що заключається в наміренній і підкресленій артикуляції власної ідеологічної позиції – «ідеологічний камінь-аут».

Нами закладена в вказаних характеристиках «небезпека» (для академічної соціології) представляється не тільки перебільшеною, але й мнимою. Спробуємо продемонструвати, що кожне з цих якостей може сприяти оновленню і подальшому розвитку соціології, а взагалі не нанести їй неминувний шкода.

1. Ліворадикальний характер критичної соціології Франкфуртської школи є простим втіленням ідеологічних переконань авторів, а навпаки, результатом їх наукових досліджень і очевидним наслідком їх концепції. Оцінюючи описательний підхід до суспільства як безперспективний (імпотентний), «франкфуртці» вказують на те, що підтолкнути суспільство до змін, до розвитку можливо тільки з позицій неконсервативних, радикальних. Лівим цей радикалізм робить опору «франкфуртців» на марксизм, хоч і модернізує його. Навіть вузький історичний контекст формування критико-соціологічного підходу Франкфуртської школи, в межах якого ліворадикальний характер теорії визначений триумфом різних версій ультраправого радикалізму (фашизму, націонал-соціалізму, франкізму, салашизму) в 20–30-х рр. ХХ ст., дозволяє актуалізувати критичну соціологію саме в силу її ліворадикальності, необхідної в протилежності фіксуваному в Україні ультраправому підйому¹.

2. Вряд чи можна свести критичну соціологію Франкфуртської школи до «вузького напрямку в марксизмі» і тим більше обмежити її конкретним історичним періодом. С однієї сторони, заслуга «франкфуртців» в тому, що вони (не єдині, безумовно) продемонстрували додаткові можливості розвитку марксизму, його «модернізуємість» і «синтезуємість». С іншої сторони, вони запропонували нові методологічні орієнтири конкретно для соціології і, вже завдяки цьому, можуть розглядатися як цілком самостійне явище. Обмежувати критичну соціологію в початку років розквіту нацизму, а в кінці – студентськими повстаннями шістдесятих років і «Фракцією Червоної Армії» (RAF) некоректно, оскільки зміна конкретно-історичного контексту не позбавила тезису про суб'єкт-суб'єктний характер стосунків соціолога і суспільства, ні критику претензійного «ціннісного нейтралітету», ні постановку «активістської» задачі соціології, тощо. Що ж стосується принципу «достаточності Хабермаса», то, визнаючи цю тему вимагає окремого, глибокого розгляду, відзначимо, що концепція Ю. Хабермаса результативна во багато в антикритичний висновок, що збігається тільки з зовнішніми, формальними ознаками критичної соціології Франкфуртської школи і тому стоїть особняком.

3. Окремі авторитети як взагалі, так і в соціології окремо – обов'язкова умова наукового пошуку. Немає нічого більш неефективного в науці, ніж створення «святих корів». Ця тенденція, особливо характерна для української соціології і регулярно маскується під «етичні стандарти», помітно обмежує плідність наукової дискусії, концентруючи увагу соціологічного суспільства на формальних, а не змістових моментах. Окремі авторитети попереджають і власні прагнення дослідника закріпитися в статусі «неприкосновенного», якими прагнення особливо характерні для академічної соціології. Окремі апріорний авторитет соціології і соціологічного підходу стимулює соціологічну рефлексію і розвиток «соціології соціології», необхідні для самосовершенствования соціології як такої. Жаючий же багатьох послідовників мнимий «мультипарадигмальності» внутрисоціологічний конфлікт, неминуче виникаючий при «атаці на авторитети», тільки прискорює шукане самосовершенствование, являючись одночасно його інструментом.

4. Підвищена і розширена за межі соціології відповідальність соціолога за свою діяльність насторожує українських соціологів по цілком зрозумілим причинам. В сучасній українській ситуації активістська позиція для соціолога чревата політичними неприємностями, якщо вона не відповідає одобрюваному державою і «свідомою» частиною суспільства стандартам [3]. З урахуванням проникнення цих відкрито пропагандистських стандартів навіть в сферу освіти академічний соціолог може опинитися перед необхідністю

¹ Фіксуваному не тільки в політичному і суспільному дискурсі, але й в науковому (див., наприклад: [6]).

соответствия этому стандарту даже помимо своей воли. В этом случае, даже совершая во имя искомого пропагандистского стандарта предосудительные с точки зрения профессионализма (и не только) действия, впоследствии можно сослаться на их вынужденный характер и на собственную «аполитичность», которая якобы освобождает от ответственности за внесоциологические последствия своей деятельности. Предписываемая же критической социологией Франкфуртской школы самокритичность в сочетании с необходимостью открытого признания собственной идеологичности обесмысливает подобные ссылки. Это отпугивает недобросовестных социологов от критической социологии и это же одновременно является важным достоинством критической социологии.

5. Наконец, намеренная и подчёркнутая артикуляция собственной идеологической позиции («идеологический камин-аут»), призыв к открытой ангажированности исследователя лишь на первый взгляд ведёт к избыточной идеологизации социологии. На деле это эффективный метод противодействия манипуляциям как внутри социологии, так и с использованием социологии. Особенностью Франкфуртской школы было стремление объединить научный характер их подхода к работе с социальной действительностью с открытой идеологичностью, ангажированностью позиции исследователя. Вышеуказанный призыв «франкфуртцев» вытекает из их главного методологического принципа – отказа от ложной «объективации» социолога. Они отказываются рассматривать общество как объект социологического исследования, указывая на то, что исследователь-социолог, во-первых, полностью включён в изучаемое общество либо напрямую, либо посредством принадлежности к человечеству; во-вторых, претендует на способность якобы быть беспристрастным в процессе исследования, между тем как отстраниться, абстрагироваться от общества невозможно (в отличие от насекомых, полезных ископаемых или числовых отношений). Пытаясь «объективировать» общество, социолог маскирует собственную предвзятость; при этом, с точки зрения критических социологов, вредна не сама предвзятость, а именно стремление замаскировать её. К таковому стремлению относится и претензия на «ценностную нейтральность» (которая вполне сопоставима с вызывавшим у близкого критической традиции М. Лифшица [5] возмущение ценностным релятивизмом). Ни один социолог не свободен от идеологической позиции; и в этом контексте тот, кто признаёт, артикулирует и декларирует свою идеологическую позицию, даёт аудитории собственных исследований фильтр, которым можно воспользоваться для очищения идей этого автора от вненаучных наслоений. Соответственно, призывая социологов быть ангажированными¹, «франкфуртцы» одновременно предлагают способ сделать социологию и более ответственной, и более научной (за счёт снятия манипулятивного эффекта), и более эффективной в части её консультативных функций.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Отметим, что перечислены далеко не все элементы критической социологии Франкфуртской школы, которые делают это направление актуальным для современной украинской социологии. Однако мы намеренно сфокусировались на том, что именно перечисленные значимые элементы этой теории с большой вероятностью препятствуют актуализации идей «франкфуртцев» в украинском социологическом «мейнстримном» дискурсе. Ситуация вовсе не парадоксальна: для науки, имеющей вполне официальный статус, критическая позиция зачастую является непозволительной роскошью, особенно в сложной ситуации социально-политической нестабильности, в которой находится сейчас Украина. Точнее, не для самой науки, а для конкретных её представителей. Сама же отечественная социология как наука немало выиграет от актуализации идей Франкфуртской школы. Собственно, такая актуализация, равно как и анализ возможных перспектив развития и применения этих идей, и являются предметом дальнейших наших исследований.

Источники и литература

1. Буравой М. За публичную социологию / М. Буравой // Социальная политика в современной России: реформы и повседневность / пер. с англ. ; под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. – М. : ЦСПГИ, Вариант, 2008. – С. 8–51.

¹ Сопоставимо с соответствующим призывом Пьера Бурдьё [2].

2. Бурдьє П. Заангажированное знание [Электронный ресурс] / Пьер Бурдьє // «Скепсис». – Режим доступа : http://sceptsis.net/library/id_544.html
3. Литовченко А. Д. «Единая страна»: критико-социологический анализ обоснованности государственной пропаганды / А. Д. Литовченко // Методология, теория и практика социологического анализа современного общества : сб. науч. тр. – Харьков : Изд. центр Харьков. нац. ун-та им. В. Н. Каразина, 2014. – С. 150–165.
4. Литовченко А. Д. Понятие дискурса в социологическом применении / А. Д. Литовченко // Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : зб. наук. пр. – Х. : Вид. центр Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна, 2004. – С. 137–139.
5. Лифшиц М. Почему я не модернист? / М. Лифшиц. – М. : Классика XXI века, 2009. – 606 с.
6. Савойська С. В. До визначення поняття «антиукраїнська діяльність» / С. В. Савойська // Вісник ХНУ імені В. Н. Каразіна. Серія «Питання політології». – № 1132. – Х., 2015. – С. 105–110.
7. Фуко М. Археология знания / Фуко М. ; пер. с фр. В. П. Визгина. – Киев : Ника-центр, 1996. – 208 с.

References

1. Buravoy, M. (2008), «For Public Sociology», *Sotsial'naya politika v sovremennoy Rossii: reformy i povsednevnost'*, Moskva : TSSPGI, Variant, pp. 8–51.
2. Burd'ye, P. (2001), «For biased knowledge», http://sceptsis.net/library/id_544.html
3. Lytovchenko, A. D. (2014), «“The Only Country”: critical and sociological analysis of the validity of state propaganda», *Metodolohiya, teoriya ta praktyka sotsiolohichnoho analizu suchasnoho suspil'stva*, pp. 150–165.
4. Lytovchenko, A. D. (2004), «The concept of discourse in the sociological application», *Metodolohiya, teoriya ta praktyka sotsiolohichnoho analizu suchasnoho suspil'stva*, pp. 137–139.
5. Lifshits, M. (2009), «Why I am not a modernist?», Moskva : Klassika XXI veka, 606 p.
6. Savoy's'ka, S. V. (2015), «The definition of “anti-Ukrainian activities”», *Visnyk KHnU imeni V. N. Karazina. Seriya : Pytannya politolohiyi*, Vol. 1132, pp. 105–110.
7. Fuko, M. (1996), «The Archaeology of Knowledge», Kiyev : Nika-tsentr, 208 p.

Литовченко Артем. Критична соціологія Франкфуртської школи: між наукою та ідеологією.

Критична соціологія Франкфуртської школи залишається практично поза полем зору вітчизняного академічного соціологічного співтовариства, хоча саме вона детально й глибоко працювала над пошуком відповіді на питання, що регулярно звучить у вітчизняній і зарубіжній соціології: про суспільно-політичну активність та відповідальність соціологів. Розв'язання цього протиріччя особливо важливе з урахуванням потенційного зростання значущості соціологів як соціально активної експертної групи з орієнтувальною функцією в умовах соціально-політичної нестабільності. Мета роботи – визначити гіпотетичні перешкоди розширенню актуального соціологічного інтересу до спадщини Франкфуртської школи, а також указати найбільш значущі, із погляду актуалізації, якості та елементи критичної соціології.

Ключові слова: критична соціологія, Франкфуртська школа, ідеологічність, академічний соціологічний дискурс.

Litovchenko Artyom. Critical Sociology of the Frankfurt School: Between Science and Ideology. The critical sociology of the Frankfurt School is artificially limited on vocabularies and textbooks by the Ukrainian sociological discourse. The active use of its ideas is not a tradition in modern Ukrainian sociology. But critical sociology worked detailed and deep to find answers to the important sociological question of socio-political activity and responsibility of sociologists. This contradiction needs to be resolved. Especially in view of growing social and political instability and the rise of right-wing forces in Ukraine. Purpose of paper is to find out what hinders the expansion of the current sociological interest in the heritage of the Frankfurt School, as well as to specify the most relevant elements of the quality and heritage. There are listed not all elements of the critical sociology of Frankfurt School, which make this theory relevant to modern Ukrainian sociology. But it is important, that we have listed the elements prevent the actualization of ideas of critical sociology in Ukrainian sociological academic discourse. The situation is not paradoxical: critical attitude is often a luxury quality for science, especially in the difficult situation of social and political instability in Ukraine nowadays. There are a lot of benefits from updating Ukrainian sociology by the ideas of the Frankfurt School.

Key words: Critical Sociology, Frankfurt School, Ideology, Academic Sociological Discourse.

Стаття получена 12.03.2014 г.